

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Особенности реализации исправительно-трудовой политики РСФСР в эпоху нэпа на территории Западной Сибири¹

Е.Г. МИХЕЕНКОВ – научный сотрудник учебного отдела Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент

В статье на основе нормативно-правовых актов, архивных материалов, опубликованных исследований рассматриваются особенности реализации «либерального» вектора исправительно-трудовой политики РСФСР на территории Западной Сибири, выразившегося в проведении амнистий, восстановлении и развитии института условно-досрочного освобождения, уменьшении верхних границ уголовных санкций, введении и расширении элементов прогрессивной системы отбывания наказания, предоставлении заключенным отпусков.

Ключевые слова: исправительно-трудовая политика; пенитенциарная система; заключенные; Западная Сибирь.

Features of realization of corrective-labour policy during a new economic policy era by the penal system of the RSFSR in Western Siberia

E.G. MICHEENKOV – Researcher of the Tomsk Institute of advanced training of employees of the Federal Penal Service of Russia, PhD in History, Associate Professor

In article on the basis of normative legal acts, the archival materials, the published researches it is considered features of realization of a “liberal” vector of corrective-labor policy by penal system of Western Siberia, expressed in carrying out amnesties; restoration and development of institute of a conditional early release; in reduction of the upper bounds of criminal sanctions; in introduction and expansion of elements of progressive system of serving of punishment; in granting to prisoners of holidays.

Key words: corrective-labor policy; penal system; prisoners; Western Siberia.

Изучение деятельности региональных пенитенциарных учреждений в последние годы привлекает все большее внимание исследователей. Однако зачастую основной акцент при этом делается на карательном векторе уголовной политики, ее классовом характере, репрессивной деятельности пенитенциарной системы. Но наряду с классовым подходом в применении уголовных наказаний в 20-е гг. прошлого века имел место

и «либеральный» вектор исправительно-трудовой политики.

Практика амнистий в Сибири во многом зависела от местных органов власти. Так, 30 октября 1920 г. Сибирским революционным комитетом было издано Положение «Об амнистии»². Отметим, что известное Постановление ВЦИК «Об амнистии к третьей годовщине Октябрьской революции» датировалось лишь 6 ноября 1920 г. и было полу-

чено Сибревкомом 16 ноября 1920 г., то есть через две недели после начала амнистии в Сибири³.

Для проведения амнистии создавались губернские и уездные комиссии. Но лишь первые из них, состоящие из председателя губисполкома (председатель), губюста, губревтрибунала, губчк, военревтрибунала, имели право выносить решения о применении амнистии к конкретным лицам. На уездные комиссии возлагалась ответственность за составление списков амнистированных лиц и их направление для рассмотрения губернскими комиссиями.

Так, Томская губернская комиссия по проведению амнистии была создана 2 ноября 1920 г. На первом ее заседании было принято решение: «амнистию применить, руководствуясь Постановлением Сибревкома, с ограничениями для интеллигенции, офицерства и буржуазии (сказывался классовый характер политики – *Е.М.*), понимая под словом “амнистия” не только освобождение, но и сокращение срока»⁴. Решение об освобождении либо сокращении срока отбывания наказания принималось коллегиально с учетом особенностей совершенного преступления.

Объявленная Постановлением ВЦИК от 06.11.1920 г. амнистия предполагала более широкое применение мер к заключенным, «лишение свободы которых не является крайней необходимостью»⁵.

Вполне естественно, что перед губернскими комиссиями по проведению амнистии и Сибревкомом встал вопрос: каким из нормативно-правовых актов пользоваться? В конечном итоге Сибревкомом 17 ноября 1920 г. было принято следующее решение: «Проведение амнистии по постановлению Сибревкома проводить в полном объеме. Однако к лицам, признанным губернскими комиссиями по амнистии не подлежащими таковой, применить Постановление об амнистии ВЦИК от 6 ноября 1920 года»⁶.

Результаты проведенной в Сибири амнистии выглядят впечатляюще: лишь в Томской губернии было амнистировано около 2 тыс. чел., из которых до 900 чел. (45%) освобождены от отбывания наказания в виде лишения свободы⁷. В Алтайской губернии амнистировано 774 чел., из которых 61 был сокращен срок лишения свободы⁸. В Омской губернии амнистировано 1949 чел., в том числе освобождено из мест лишения свободы до 500 заключенных (24%). При этом лишь 71 заключенному (3,6%) в применении амнистии было отказано⁹.

В последующие годы практика проведения амнистий, приуроченных к советским праздникам, стала регулярной. В местах заключения Омской губернии в результате амнистии 17 августа 1923 г. количество заключенных снизилось с 1724 (на 1 сентября 1923 г.) до 1046 (на 1 октября 1923 г.), то есть более чем на 39%. Однако по состоянию на 1 января 1924 г. в местах лишения свободы Омской губернии вновь содержалась 1444 заключенных.

Аналогичная ситуация складывалась в последующие годы по стране: по амнистии 1927 г., приуроченной к 10-летию Октябрьской революции, численность заключенных сократилась с 122 951 чел. (на 1 января 1927 г.) до 82 499 чел. на 1 января 1928 г. Однако на 1 июля 1928 г., по данным ЦСУ СССР, в местах заключения вновь находилось 125 523 чел.¹⁰

Другим аспектом практической реализации «либерального» вектора исправительно-трудовой политики становится развитие института условно-досрочного освобождения. Согласно Декрету СНК РСФСР от 21.03.1921 г. «О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных»¹¹ условно-досрочное освобождение могло применяться ко всем осужденным независимо от их личности, характера совершенного преступления и срока наказания, назначенного по судебному приговору¹².

Справедливости ради отметим, что УК РСФСР 1922 г. был изменен порядок предоставления условно-досрочного освобождения: ст. 53 предусматривала не только полное освобождение от наказания, но и возможность перевода на принудительные работы без содержания под стражей. Применение условно-досрочного освобождения являлось прерогативой суда, вынесшего приговор¹³. В последующие годы ряд декретов ВЦИК РСФСР об условно-досрочном освобождении распространялся только на выходцев из рабочих и крестьян¹⁴.

Вопрос о предоставлении к условно-досрочному освобождению рассматривался на заседаниях распределительных комиссий, состав которых определялся в соответствии с Постановлением НКЮ РСФСР от 23.07.1918 г. В них входили: заведующий местным карательным отделом, заведующие местами заключения и иные «сведущие лица» по приглашению местного карательного отдела (прокуроры, медицинские работники, представители отделов образования и др.). При рассмотрении дел о досрочном освобождении в судебных за-

седаниях присутствие в качестве эксперта представителей губернских распределительных комиссий являлось обязательным.

Спецификой деятельности распределительных комиссий в Западной Сибири было то, что, согласно Постановлению Сибревкома от 28.09.1921 г.¹⁵, их компетенция распространялась не только на подведомственные Наркомюсту РСФСР пенитенциарные учреждения, но и лагеря принудительных работ НКВД. Таким образом, для возможного положительного решения вопроса об условно-досрочном освобождении было необходимо ходатайство распределительной комиссии, учитывавшей при вынесении решения поведение осужденного в местах лишения свободы и его индивидуально-личностные характеристики.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. существенно расширил компетенцию распределительных комиссий. В их функции входило распределение осужденных по видам исправительных учреждений и перевод из одного учреждения в другое, перевод из разряда в разряд, ходатайство о продлении срока заключения или отмене содержания под стражей, досрочном освобождении, зачете рабочих дней, открытии или реорганизации исправительных учреждений.

Об эффективности работы комиссий в Западной Сибири свидетельствуют следующие данные. Согласно отчету прокурора Сибири за второе полугодие 1925 г. распределительными комиссиями округов было проведено 180 заседаний, на которых рассмотрено 4332 вопроса об условно-досрочном освобождении, 690 – о переводе на работы, 2152 – о зачете двух дней работы за три дня лишения свободы¹⁶.

Данные по РСФСР о применении условно-досрочного освобождения выглядят более впечатляющими. За первое полугодие 1924 г. из 91 078 дел было удовлетворено 72% ходатайств (65 881 дело). С июля 1924 г. по июль 1925 г. из мест лишения свободы условно-досрочно было освобождено 53 374 чел.¹⁷

Помимо распределительных комиссий ИТК 1924 г. предусматривал создание и наблюдательных комиссий (ст. 19–22). В их состав входили начальник места заключения, народные судьи (по месту дислокации учреждения), представители бюро профсоюзов. В работе также принимали участие прокурор, врач, другие специалисты. Комиссии осуществляли наблюдение за распределением заключенных, их переводом из разряда в разряд, предварительно обсуждали и

представляли в распределительную комиссию данные о личности заключенных для решения вопроса об условно-досрочном освобождении; готовили представление в распределительную комиссию о переводе заключенных из одного учреждения в другое, разрешении заключенным отпусков, свиданий; составляли предложения в распределительную комиссию об отмене содержания под стражей; сообщали прокурору о фактах незаконного содержания под стражей. Председателем наблюдательной комиссии являлся начальник места заключения, а заместителем – судья¹⁸.

На наш взгляд, участие общественности в работе распределительных и наблюдательных комиссий способствовало объективности рассмотрения вопросов, препятствуя произволу в отношении заключенных. В этой связи, например, было бы справедливо и ныне использовать накопленную пенитенциарной системой практику назначения вида режима не судом, а распределительными комиссиями, создаваемыми при территориальных органах уголовно-исполнительной системы (советы по досрочному освобождению, в состав которых могли бы входить как администрация исправительного учреждения, так и представители общественности и религиозных организаций).

Заслуживает внимания и вопрос о сроках наказаний. Первые декреты советской власти не содержали конкретных указаний о видах, сроках и размерах наказаний, а лишь имели ссылку на необходимость наказания «по всей строгости революционного закона». Судейское усмотрение не было ограничено ничем кроме «революционной совести»¹⁹. Однако уже НКЮ РСФСР в Циркуляре от 27.08.1921 г. на основании Декрета СНК от 21.03.1921 г. предложил судебным учреждениям сократить сроки наказания, превышающие пять лет, до установленного указанным декретом максимального размера лишения свободы в пять лет. В циркуляре содержалось и прямое указание распределительным комиссиям: при рассмотрении ходатайств осужденных к 5, 4 и 3 годам лишения свободы (в особенности революционными трибуналами) более широко применять по отношению к ним п. 47 Положения об общих местах заключения, способствуя переводу данной категории осужденных в разряд исправляющихся, «дабы иметь возможность представить их к досрочному освобождению ранее установленных сроков», анализируя каждый случай индивидуально²⁰.

Позднее УК РСФСР 1922 г. (ст. 34) установил срок лишения свободы от шести месяцев до десяти лет с назначением строгой изоляции от общества или без таковой. Статья 28 УК РСФСР 1926 г. предусматривала возможные сроки лишения свободы от одного дня до десяти лет. Отметим, что ст. 34 УК РСФСР 1922 г. предусматривала сохранение за заключенными политических и гражданских прав лишь при осуждении их на срок до одного года, что вряд ли стоит рассматривать как репрессивную меру. Отметим, что в последующих нормативно-правовых актах (в том числе в УК РФ 1996 г.) осужденные были лишены избирательного права вне зависимости от срока осуждения.

Вместе с тем не обошлось и без классового подхода. Статьи 47 и 48 УК РСФСР 1926 г. среди смягчающих и отягчающих обстоятельств упоминали классовую принадлежность осужденного. Например, в качестве отягчающего обстоятельства рассматривалась принадлежность в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплуатирующий чужой труд (п. «б» ст. 47). Одновременно пролетарское происхождение признавалось смягчающим обстоятельством (п. «б» ст. 48).

В годы нэпа суды реже применяли лишение свободы (до 30% осужденных)²¹, что также свидетельствует о гуманизации судебной практики в целом. Не считают значительной общую численность заключенных и зарубежные эксперты: по данным М. Джекобсона, в 1927 г. число заключенных в СССР составляло около 200 тыс. чел.²²

Одним из проявлений либерализации исправительно-трудовой политики Советского государства следует рассматривать и предоставление отпусков заключенным. На основании телеграммы ЦКО от 02.07.1921 г. последние могли быть предоставлены осужденным-крестьянам на время полевых работ сроком до шести недель. При этом первоначально время нахождения заключенного в отпуске не засчитывалось в срок отбывания наказания.

Президиум ВЦИК 21 апреля 1925 г. принял постановление, дающее губернским распределительным комиссиям право предоставлять отпуска заключенным-крестьянам в период полевых работ сроком до трех месяцев, в отношении которых распределительная комиссия установит, что они совершили преступление по неосознанности, в первый раз или вследствие тяжелых материальных условий, не внушают опасений в плане побега, а их отпуск не вызовет недовольства со стороны местного населения²³.

Право предоставления отпусков на полевые работы также распространялось на красноармейцев и краснофлотцев. Время в отпуске засчитывалось в срок наказания при выполнении осужденным следующих условий: совершение новых преступлений, своевременное возвращение из отпуска, предоставление документов о выполнении полевых работ²⁴.

Практика предоставления отпусков заключенным в Западной Сибири постоянно расширялась. Так, если в 1923 г. Алтайская губернская распределительная комиссия разрешила 18 отпусков, а Омская – 27, то в 1924 г. Омская – 77 и Новониколаевская – 185 отпусков. В 1926 г. лишь по Новосибирскому округу их было предоставлено 410. По данным Сибирской краевой инспекции мест заключения, в 1927 г. их количество составляло 1923, 1066 заключенным отпуск был зачтен в срок отбывания наказания полностью²⁵.

Таким образом, в период нэпа наряду с классовым подходом формируется «либеральный» вектор исправительно-трудовой политики Советского государства, чему способствовала деятельность пенитенциарной системы в условиях открытости, коллегиальности, привлечения широких слоев общественности. Вместе с тем уже с конца 1920-х гг. происходит постепенный отход от ранее провозглашенных принципов исправительно-трудовой политики на фоне происходивших в стране политических процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФГФ, № проекта 14-13-70002.

² См.: Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 467. Оп. 1. Д. 97. Л. 2.

³ См.: Там же. Д. 45. Л. 63–65.

⁴ Там же. Л. 1–8.

⁵ Постановление ВЦИК от 06.11.1920 г. «Об амнистии к третьей годовщине Октябрьской революции» // СУ РСФСР. 1920. № 88. Ст. 451.

⁶ Протокол заседания Сибирского революционного комитета от 17.11.1920 г. № 386 // ГАО. Ф. 467. Оп. 1. Д. 97. Л. 8–9.

¹ Stat'ja podgotovlena pri finansovoj podderzhke RGNF, № proekta 14-13-70002.

² Sm.: Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (GANO). F. 467. Op. 1. D. 97. L. 2.

³ Sm.: Tam zhe. D. 45. L. 63–65.

⁴ Tam zhe. L. 1–8.

⁵ Postanovlenie VCIK ot 06.11.1920 g. «Ob amnistii k tret'ej godovshhine Oktjabr'skoj revoljucii» // SU RSFSR. 1920. № 88. St. 451.

⁶ Protokol zasedanija Sibirskogo revoljucionnogo komiteta ot 17.11.1920 g. № 386 // GANO. F. 467. Op. 1. D. 97. L. 8–9.

- ⁷ Подсчет осуществлен на основе: ГАНО. Ф. 467. Оп. 1. Д. 45. Л. 11–434.
- ⁸ Подсчет осуществлен на основе: ГАНО. Ф. 467. Оп. 1. Д. 81. Л. 53–55.
- ⁹ Подсчет осуществлен на основе: ГАНО. Ф. 467. Оп. 1. Д. 46. Л. 2–385.
- ¹⁰ См.: Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг.: Моногр. Омск, 2011. С. 87.
- ¹¹ См.: СУ РСФСР. 1921. № 22. Ст. 138.
- ¹² См.: Богданов М.А. Эволюция института условно-досрочного освобождения в Российском законодательстве (теоретический и историко-правовой аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. С. 20–21.
- ¹³ См.: Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР)» // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
- ¹⁴ См.: Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: Учеб. для вузов. М., 2005. С. 281.
- ¹⁵ См.: ГАНО. Ф. 467. Оп. 1. Д. 75. Л. 171.
- ¹⁶ См.: Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.): Моногр. Томск, 2011. С. 93.
- ¹⁷ См.: Бомбергер И.И. Советская пенитенциарная система в годы Новой экономической политики. 1921–1928: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 108.
- ¹⁸ См.: Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России: история и современность. М., 1998. С. 41–42.
- ¹⁹ См.: Тоскина Г.Н. Становление и развитие системы наказаний в уголовном праве России и СССР в 1917–1926 гг.: Дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2005. С. 30.
- ²⁰ См.: Циркуляр Наркомюста РСФСР от 27.08.1921 г. № 19 // ГАНО. Ф. 467. Оп. 1. Д. 52. Л. 22.
- ²¹ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая / Отв. ред. Н.А. Беляев, Н.Д. Шаргородский. М., 1970. Т. 2. С. 269.
- ²² См.: Джекобсон М., Смирнов М.Б. Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. М., 1998. С. 17.
- ²³ См.: Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 141.
- ²⁴ См.: Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг. С. 94.
- ²⁵ См.: Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). С. 96–97; Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг. С. 95.
- ⁷ Podschet osushhestvlen na osnove: GANO. F. 467. Op. 1. D. 45. L. 11–434.
- ⁸ Podschet osushhestvlen na osnove: GANO. F. 467. Op. 1. D. 81. L. 53–55.
- ⁹ Podschet osushhestvlen na osnove: GANO. F. 467. Op. 1. D. 46. L. 2–385.
- ¹⁰ Sm.: Bykov A.V. Stanovlenie i razvitie penitenciarnoj sistemy v Zapadnoj Sibiri v 1920-e gg.: Monogr. Omsk, 2011. S. 87.
- ¹¹ Sm.: SU RSFSR. 1921. № 22. St. 138.
- ¹² Sm.: Bogdanov M.A. Jevolucija instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdenija v Rossijskom zakonodatel'stve (teoreticheskij i istoriko-pravovoj aspekty): Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Vladimir, 2011. S. 20–21.
- ¹³ Sm.: Postanovlenie VCIK ot 01.06.1922 g. «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo kodeksa RSFSR (vmeste s Ugolovnym kodeksom RSFSR)» // SU RSFSR. 1922. № 15. St. 153.
- ¹⁴ Sm.: Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: teorija, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaja praktika konca XIX – nachala XXI veka: Ucheb. dlja vuzov. M., 2005. S. 281.
- ¹⁵ Sm.: GANO. F. 467. Op. 1. D. 75. L. 171.
- ¹⁶ Sm.: Ujmanov V.N. Penitenciarная sistema Zapadnoj Sibiri (1920–1941 gg.): Monogr. Tomsk, 2011. S. 93.
- ¹⁷ Sm.: Bomberger I.I. Sovetskaja penitenciarная sistema v gody Novoj jekonomicheskoj politiki. 1921–1928: Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2009. S. 108.
- ¹⁸ Sm.: Zubkov A.I., Kalinin Ju.I., Sysoev V.D. Penitenciarные uchrezhdenija v sisteme Ministerstva justicii Rossii: istorija i sovremennost'. M., 1998. S. 41–42.
- ¹⁹ Sm.: Toskina G.N. Stanovlenie i razvitie sistemy nakazanii v ugolovnom prave Rossii i SSSR v 1917–1926 gg.: Dis. ... kand. jurid. nauk. Ul'janovsk, 2005. S. 30.
- ²⁰ Sm.: Cirkuljar Narkomjusta RSFSR ot 27.08.1921 g. № 19 // GANO. F. 467. Op. 1. D. 52. L. 22.
- ²¹ Sm.: Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Chast' Obshhaja / Otv. red. N.A. Beljaev, N.D. Sharogorodskij. M., 1970. T. 2. S. 269.
- ²² Sm.: Dzhekobson M., Smirnov M.B. Sistema mest zaključenija v RSFSR i SSSR. 1917–1930 // Sistema ispravitel'no-trudovyh lagerej v SSSR. 1923–1960. M., 1998. S. 17.
- ²³ Sm.: Detkov M.G. Tjur'my, lagerja i kolonii Rossii. M., 1999. S. 141.
- ²⁴ Sm.: Bykov A.V. Stanovlenie i razvitie penitenciarnoj sistemy v Zapadnoj Sibiri v 1920-e gg. S. 94.
- ²⁵ Sm.: Ujmanov V.N. Penitenciarная sistema Zapadnoj Sibiri (1920–1941 gg.). S. 96–97; Bykov A.V. Stanovlenie i razvitie penitenciarnoj sistemy v Zapadnoj Sibiri v 1920-e gg. S. 95.